Митрополит Иларион: Церковная музыка имеет миссионерское значение

14 марта 2015 года гостем передачи «Церковь и мир», которую на телеканале «Россия-24» ведет митрополит Волоколамский Иларион, стал главный дирижер и художественный руководитель Академического Большого хора «Мастера хорового пения» Лев Конторович.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры! Вы смотрите передачу «Церковь и мир». Сегодня мы поговорим о хоровой музыке – светской и духовной. У меня в гостях – главный дирижер и художественный руководитель Академического Большого хора «Мастера хорового пения» Лев Конторович. Здравствуйте, Лев Зиновьевич!

Л. Конторович: Добрый день, владыка!

Вершина русской хоровой музыки – «Всенощная» Сергея Рахманинова. Мне очень приятно, что сегодня есть возможность поговорить о юбилее этого замечательного произведения, ибо впервые оно было исполнено 10 марта 1915 года, то есть сто лет назад.

Вы пригласили наш хор 21 марта на богослужение в церковь в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». В этой церкви «Всенощная» Рахманинова исполнялась хором под руководством Матвеева во все памятные даты, связанные с Рахманиновым. Храм на Ордынке был практически единственным местом, где можно было услышать «Всенощную» в те годы, когда она практически не звучала.

Теперь интерес к этому сочинению огромен. Я знаю, что оно исполняется на разных концертах. Наш хор тоже исполнял это произведение. Считаю, что для нашего хорового искусства очень важно, что люди могут слышать эту музыку как в церкви, так и на концерте.

Митрополит Иларион: Судьба этого произведения мне кажется очень необычной. Ведь мы знаем Рахманинова, прежде всего как пианиста, симфониста, автора фортепианных концертов и симфоний. И вдруг он обращается к хоровой музыке. Причем пишет произведение, которое действительно не просто вошло в золотой фонд хоровой музыки, но стало своего рода ее вершиной. Я думаю, что ни один русский композитор не достиг такого удивительного сочетания глубокой внутренней религиозности и высочайшего мастерства хорового письма, как Рахманинов во «Всенощном бдении». И 100-летний юбилей этого произведения, действительно, событие не только в истории хорового пения, но и в истории всей нашей музыки.

Я бы хотел с Вами поделиться одним воспоминанием, очень дорогим для меня, связанным с моей юностью, когда я впервые соприкоснулся с «Всенощным бдением» Рахманинова, – не в живом исполнении, а в виде партитуры.

Я учился в Гнесинской музыкальной школе. Моим преподавателем по гармонии был Алексей Алексеевич Степанов, в то время уже очень пожилой человек. Я был его единственным учеником, он приходил в Гнесинскую школу специально ради меня. Однажды он принес на урок партитуру «Всенощной» Рахманинова, что по тем временам было событием весьма необычным. Мы стали проводить гармонический анализ , он мне что-то показывал, объяснял. А когда урок закончился, меня не покидало чувство, что Алексей Алексеевич мне хочет что-то сказать, но не решается. Он был очень застенчивый человек. Потом, назвав имя одной учительницы, он мне очень осторожно все же говорит: «Вы знаете, она Вас видела “там”». - «Там» – значит в церкви. «Вам надо быть очень осторожным. Если об этом узнают, Вас могут исключить из школы. Может, до окончания школы Вам не следует ходить “туда”?» На что я ответил: «Знаете, Алексей Алексеевич, я не могу “туда” не ходить».

Такой разговор у нас случился. Это иллюстрация к тому, в какие времена мы жили.

В советское время «Всенощная» Рахманинова действительно исполнялась только в нашем храме, в котором я сейчас служу. И мы эту традицию возродили.

Как Вы считаете, Рахманинов свою «Всенощную» писал для храма или для концертного исполнения? Лично я думаю, что начиная с Чайковского, создавшего свою «Литургию» и свою «Всенощную» – произведения, которые стали звучать на концертах, а в храме практически не исполнялись, – сложилась традиция выхода церковной музыки на светскую сцену. Наверное, когда Рахманинов писал «Всенощное бдение», он подразумевал концертное исполнение, как, собственно, и произошло. Премьера этого произведения состоялась на концертной сцене, где «Всенощное бдение» имело огромный успех. Но оно не вошло в литургическую практику, ибо многие восприняли это произведение, как слишком сложное для церкви. До сих пор я слышу, в том числе от некоторых священнослужителей, что это произведение концертное. Оно не для церкви. Под него сложно молиться.

По своему опыту священнослужителя могу сказать, что в отношении «Всенощной» и «Литургии» (и Рахманинова, и Чайковского), молиться под эти произведения можно. Они уместно звучат не только на концертной сцене, но и в храме. Да, действительно, «Всенощная» Рахманинова – произведение сложное. Оно не для деревенского клироса. Но это одна из вершин не только нашей музыки, но и нашего церковного искусства.

Л. Конторович: Да, мы исполняем это произведение на концертной сцене. Но мы все, прежде всего, верующие, православные, и исполняем его не просто как концертную музыку, а как искреннюю молитву. По-другому петь «Всенощную» просто нельзя. В этой связи вспоминается, как Рахманинов говорил, что на своем погребении он хотел бы услышать «Ныне отпущаеши». Мне кажется, это тоже дает ответ на Ваш вопрос.

Митрополит Иларион: Не так давно я имел возможность посетить могилу Рахманинова. Она находится на большом кладбище недалеко от Нью-Йорка. Стояла осень. Деревья были одеты в разноцветную листву – зеленую, золотую и багряную. Кладбище это удивительно красивое, расположенное на холмах. На могиле композитора большой православный крест, под которым написано «Сергей Рахманинов». Рядом с ним покоятся его жена и дочь.

Когда мы совершали заупокойные молитвы, нас не покидало удивительное ощущение присутствия глубоко верующего человека, каким был Сергей Васильевич. И его укорененность в Православной Церкви нашла отражение на страницах «Всенощной», потому что эта музыка написана очень естественно. Она написана, может быть, с точки зрения техники сложно, но при этом очень легко воспринимается, ибо ложится на душу человека. И даже когда она звучит не в храме, то все равно открывает человеку горний мир, обращает его мысли к Богу. Неслучайно это сочинение в советское время фактически было запрещено и возродилось вместе с возрождением нашей Церкви.

Л. Конторович: Безусловно. На мой взгляд, «Всенощная», все же, более высокое искусство, чем «Литургия». В «Литургии» явно прослеживается влияние общеевропейской культуры. И хотя «Всенощная» тоже продолжает влияние общеевропейской культуры, но при этом музыкальный стиль этого произведения вобрал в себя традиции русских концертных форм XVII-XVIII веков. В нем удивительная русская полифония, когда каждый голос свободно поет свою мелодию и все это сочетается. Причем очень интересное обращение к тексту, нет синхрона, и действительно, в основном полифоническое звучание, то есть часть верующих поет одно обращение к Богу, часть – другое, и вместе это сливается. Но мы все слышим и понимаем. Это удивительно.

Думаю, наше хоровое искусство развивается в правильном направлении. Надеюсь, что «Всенощная» будет еще чаще звучать и в Церкви, и, конечно, на концертной площадке.

Митрополит Иларион: Действительно, «Литургия» Рахманинова стилистически сильно отличается от «Всенощной», потому что «Всенощная» основана на древних песнопениях знаменного распева, а «Литургия», в значительной степени, авторское произведение Рахманинова. Но в этом произведении есть потрясающий Евхаристический гимн «Тебе поем». Это

совершенно необыкновенная музыка. Мелодия, которую исполняет хор, развертывается медленно, постепенно, с нарастающей торжественностью, и вдруг в конце, в последних тактах, возникает трогательное соло сопрано – женского голоса, который, подобно ангельскому гласу, прорезается сквозь "толщу" хора. И здесь можно вспомнить и Блока с его стихотворением «Девушка пела в церковном хоре», и всю нашу удивительную церковную дореволюционную традицию, которая прервалась спустя два года после написания «Всенощной».

Песнопение «Тебе поем» из «Литургии» Рахманинова еще удивительным образом сочетается с самой Божественной литургией, ибо в этот момент в алтаре священник произносит молитву, во время которой Святые Дары претворяются в Тело и Кровь Христовы. К сожалению, зачастую наши композиторы, – не только светские, но и церковные, – создавали музыку как бы без учета того, что происходит в алтаре. Иной раз на клиросе звучит одна Литургия, а в алтаре происходит другая, и они не связаны между собой. Рахманинову удивительным образом удалось уловить самый священный, трепетный момент Литургии, когда священник молится от лица всего народа и происходит пресуществление хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы. Каким образом можно передать в музыке сакральный смысл литургического таинства? Это должна быть совершенно особая музыка – тихая, очень молитвенная. И Рахманинову как никому другому удалось почувствовать этот момент.

Л. Конторович: Я, конечно, не могу с Вами не согласиться, потому что именно это произведение - «Тебе поем» - является украшением не только церковного богослужения, но и многих концертов. Когда «Тебе поем» исполняется в концертной программе, это всегда вызывает взрыв эмоций у слушателей.

Возможно, я немного погорячился в отношении «Литургии», это действительно замечательная музыка. Просто, на мой взгляд, «Всенощная» является кульминацией всего творчества Рахманинова, включая фортепианные концерты. Для меня, когда я слышу второй, третий концерты Рахманинова, это звучит Россия, моя Родина. И то же происходит, когда я слушаю «Всенощную».

Митрополит Иларион: Еще один аспект творчества Рахманинова – это то, как он удивительным образом слышит колокола, воплощая стихию колокольного звона в своей фортепьянной, симфонической музыке, и во «Всенощной». Мы слышим переливы колоколов в его использовании древних распевов. Думаю, этим Рахманинов отличается от всех наших других композиторов. Никто как он не чувствовал эту стихию колокольного звона.

Мы привыкли говорить, что у нас в Церкви нет инструментальной музыки. У нас ее действительно нет в том смысле, что во время богослужения хор всегда поет без музыкального сопровождения.

Но ведь у нас звонят колокола, а это музыкальный инструмент. Православная традиция создала удивительный синтез инструментальной музыки, которая звучит вне храма, и хоровой музыки, которая звучит внутри храма. Иногда это происходит одновременно, когда, например, служба уже начинается, хор поет предначинательный псалом, а колокола еще звонят.

Я думаю, что наша церковная музыка имеет и миссионерское значение. Когда такие произведения как «Всенощная» Рахманинова и другие произведения русской церковной музыки звучат на концертах, их исполнение является, своего рода, проповедью Христа. И через это Церковь присутствует и в жизни в тех людей, которые пока не являются ее прихожанами.

Служба коммуникации ОВЦС

Источник: https://mospat.ru/ru/news/50576/